

ФЕДОР СОЛОГУБ
ЦИКЛ «ИЗ ДНЕВНИКА»
(Неизданные стихотворения)

Публикация М. М. Павловой

В архиве Р. В. Иванова-Разумника среди неопубликованных материалов, связанных с именем Федора Сологуба (Ф. К. Тетерникова, 1863—1927), находятся стихотворения, написанные еще в «долитературный» период, главным образом в 1880—1890-е годы. Эти машинописные тексты (всего 64) без авторского названия, условно обозначенные «Из дневника», с пометой «без начала и конца», хранятся в отдельной папке (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 153) и расположены за редким исключением в алфавитном порядке.¹ Самые ранние из стихотворений датированы 1883 г., самое позднее — 26 мая 1904 г.; большая часть стихотворений относится ко второй половине 1880-х годов.

Хронологически это период учительства будущего писателя, когда после окончания Санкт-Петербургского учительского института он служит преподавателем математики — в Крестцах Новгородской губернии (1882—1885), затем в Великих Луках (1885—1889) и в Вытегре (1889—1892).

С точки зрения творческой перспективы 1880-е годы — период становления основных тем и художественных идей Сологуба, нашедших дальнейшее развитие в его сочинениях. Главным итогом ранних опытов писателя в допетербургскую эпоху (1882—1892), в прозе стал роман «Тяжелые сны», в лирике — немногие переводы из Верлена и оригинальные стихотворения, лучшие из которых впоследствии были напечатаны.

На фоне ранней известной лирики Сологуба стихотворения «Из дневника» выделяются прежде всего по своему содержанию; оно вполне объяс-

¹ Вероятнее всего, атрибуция этого материала была произведена Р. В. Ивановым-Разумником при разборке им архива Сологуба в декабре 1927—январе 1928 г.

няет, почему поэт собрал их воедино и, вероятно, не желал публиковать при жизни. Не печатал он эти свои произведения не только потому, что их художественная ценность могла бы показаться сомнительной почитателям автора «Пламенного круга», а их прозаизм, бытовизм с чертами грубого натурализма мог бы повредить традиционному представлению о сологубовской музе, которую современники, например, Блок, сравнивали с музой Тютчева и Баратынского. Основная причина «изолированности» цикла² связана с его интимностью, автобиографичностью: все стихотворения объединены одним, весьма существенным в творчестве писателя, мотивом телесного наказания (в каждом из них обязательно встречаются слова «розги», «порка» или «сечение»).

Многие стихотворения цикла по содержанию соотносятся с воспоминаниями Сологуба о юности, записанными О. Н. Черносивитовой³; основу этих воспоминаний составляют записи о перенесенных им начиная с первых лет жизни телесных наказаниях. Методично, по годам, Сологуб отмечает — когда, где и за какие провинности его секли: в доме хозяев Агаповых, где служила кухаркой его мать Татьяна Семеновна; в полицейском участке; в Никольском приходском училище; в Учительском институте. Затем по настоянию матери секли учителя Тетерникова — в Крестцах, в Великих Луках, в Вытегре; наконец, сама Татьяна Семеновна наказывала розгами уже тридцатилетнего сына. Розги стали кошмарным символом сологубовской жизни, постоянно напоминавшим о себе, о чем свидетельствуют биографические заметки, сделанные Черносивитовой со слов писателя (например: «Приемный экзамен в институт. <...> Медицинский осмотр. Очень неловко — следы от недавних розог. Впрочем, видел только доктор, и очень тактично промолчал»)⁴.

Атмосфера насилия и унижения, в которой вырос Сологуб, серьезно повлияла на его психику. Суровым обращением, доходящим до жестокости, Татьяна Семеновна стремилась воспитать в сыне христианские добродетели, прежде всего смирение и покорность, приготовить мальчика к тяготам жизни. Постепенно он сам стал приходить к мысли о необходимости физического страдания, очищающего душу, стал стремиться к физической

² Название «цикл» применительно к стихотворениям «Из дневника» может быть оправдано тематической узостью и хронологической компактностью текстов; в данном случае употребляется с большой долей условности, необязательности.

³ Черносивитова Ольга Николаевна (рожд. — Чеботаревская; 1872—1943), сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб.

⁴ ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 89, л. 97.

боли, провоцировать мать наказывать его, что в конечном результате, как можно предположить, привело к развитию у него садо-мазохистского комплекса, заметно сказавшегося впоследствии в творчестве.

Тема телесного наказания — одна из устойчивых у Сологуба, особенно в прозе, в романах и так называемых детских рассказах. Однако ее художественное решение выходит за рамки гуманистической традиции русской литературы. В первую очередь писателя привлекает не социальный или нравственный аспекты темы (деспоты и невинные жертвы), но психологический: ему интересны те, кого «томят порочные желания», кто истязает с наслаждением (например, Людмилочка Ругилова в «Мелком бесе»), и те, кто стремится испытывать боль (Саша Кораблев в рассказе «Земле земное»). Поступки и чувства героев, изображенных Сологубом (Логин, Дубицкий, отец Андрей в «Тяжелых снах»; Передонов, Гудаевская, Людмилочка в «Мелком бесе» и др.), часто несут на себе печать садического комплекса, осложненного эротическими и трагическими мотивами. Логину, например, дается искушение: жестоко высечь и растлить ребенка, спасенного им же от смерти. Болезненные желания, с трудом преодолеваемые им в дневной жизни, воскресают и мучают его в «тяжелых снах» («Он заснул тяжелым, безгрёзным сном. Под утро вдруг проснулся, как разбуженный. Визгливый вопль рая в его ушах. Сердце усиленно билось. С яркостью видения предстали перед ним своды, решетка в окне, обнаженное девичье тело, пытка. Кто-то злой и светлый говорил, что все благо и что в страданиях есть пафос. И под ударами кнута из белой, багрово-исполосованной кожи брызгала кровь»)⁵

В отличие от Логина Передонову чуждо сознание греха, и он, без размышлений о добре и зле, воплощает свои желания. Сологуб пишет: «Передонову нравилось, когда мальчики плакали,— особенно если это он так сделал, что они плачут и винятся. <...> Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там он вел себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал <...> Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут,— и Передонов доволен».⁶

Как известно, критики нередко сравнивали Передонова с его создателем, писали о том, что Сологуб наделил героя своими собственными пороками. Писатель возмущался подобными аналогиями, тем не менее в его личности были черты, родственные его творению. В этой связи интерес-

⁵ Сологуб Ф. Тяжелые сны. Л., 1990. С. 114.

⁶ Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1988. С. 138.

но его письмо к сестре Ольге Кузьминичне из Вытегры от 20 сентября 1891 г.: «Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко босиком и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я и не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька рассердилась и преробольно высекла меня розгами, после сего я уже не смел упрямитесь и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще».⁷ Уже в поздние годы Сологуб признавался, что Передонова ему пришлось протащить через себя.⁸

Садо-мазохические и эротические мотивы, присущие художественной манере Сологуба, были главной причиной осуждения его произведений в критике. «Национальная черта — секут у Сологуба всюду и с наслаждением, — писал Ю. М. Стеклов. — При виде розог или хотя бы при рассказе о побоях герои Сологуба захлебываются от садистического восторга».⁹ Обвиняя писателя в «крайней духовной развращенности», в болезненном смаковании тем и сюжетов, табуированных в русской классической литературе, Стеклов и многие другие не замечали конечных целей, поставленных художником. Внимание Сологуба всегда и в первую очередь привлекал не сам порок, а его природа, «скудная почва зол», психология страсти; он стремился вскрыть механизм развития порока, но нередко действительно увлекался, интерес к грешному претворялся в его оправдание. «То, что именуется Грехом, — размышлял писатель, — есть существенный элемент прогресса. Не будь его, мир заплесневел бы, состарился, стал бы бесцветным. Своим любопытством Грех умножает опыт расы. Своим упорным отстаиванием индивидуализма он спасает нас от однообразия типов».¹⁰

В свете размышлений Сологуба о грешном, а также с точки зрения столь существенной в его творчестве темы телесного наказания совершенно исключительное значение приобретает публикуемый цикл «Из дневника». Стихотворения цикла представляют собой уникальный материал как в би-

⁷ ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, № 36, л. 8.

⁸ См.: Дзенько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. // Лица. Биографический альманах. 1. М.-СПб., 1992. С. 211.

⁹ Стеклов Ю. М. О творчестве Федора Сологуба // Литературный распад. СПб., 1909. Кн. 2. С. 192.

¹⁰ ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 243.

ографическом, так и в психологическом отношении, который, вероятно, может послужить своеобразным ключом к изучению особенностей творчества Сологуба, его «болевых» точек.

Жизненная основа цикла «Из дневника» одна: чувство стыда и страха в ожидании телесного наказания или после него. Поэт (а он в данном случае максимально близок лирическому герою) не стремится к обличению людей «с опрокинутой совестью» (по его меткому определению). Он просто констатирует сам факт присутствия в мире зла, в том его проявлении, в каком оно реально существует для него, молодого учителя, Федора Тетерникова.¹¹ Его внимание сосредоточено главным образом на возможностях внутреннего духовного опыта человека. Драматические сцены поистине кошмарного быта — источник душевных мук для художника и в то же время почти всегда почва для наблюдения над собственным сознанием, а также для создания образа «униженного и оскорбленного». Однако Сологуб настолько перегрузил этот образ чертами ничтожности и зависимости от мира «злого и ложного», что, несмотря на автобиографическую подлинность, созданный образ нельзя отождествлять с обликом самого поэта, а цикл «Из дневника» соответственно нельзя назвать стихотворным дневником Сологуба в буквальном смысле, нельзя не почувствовать в нем присутствие элемента самоговора. Поэт, несомненно, стремился рассказать о себе, но только еще более униженном, чем был на самом деле, еще более заслуживающем сострадания. В стихотворении 1900 г. он писал:

Я сам себе создал обман,
Что будто бы чуждые руки
Мне сделали множество ран
И много медлительной муки,

Что будто бы чуждый мне взор
Терзал меня ядом презренья,
Что будто бы мне мой позор
Немедленно требовал мщенья,

Что будто враги и друзья
Все стали злорадно смеяться,
И будто бы слабость моя
Меня заставляла смиряться.¹²

¹¹ См.: Телесные наказания в России в настоящее время. Составили члены комиссии, избранной VI съездом врачей в память Н. И. Пирогова. М., 1899. — В книге приведены результаты статистических исследований практики телесных наказаний в русских губерниях: на первом месте по применению телесных наказаний на 1890-е гг. были Вологодская и Новгородская губерния, в которой в молодости служил учителем Сологуб.

¹² Сологуб Федор. Стихотворения. Л., 1979. С. 243.

«Создавая обман», Сологуб незаметно перешел грань правдоподобия и бессознательно создал образ, вполне вписавшийся в его собственное представление о человеке как средоточии всех земных скорбей, которому он нашел затем философское оправдание в учении А. Шопенгауэра.

Главная ценность стихотворений цикла в их психологической достоверности: мы видим, как человек, почти ежедневно истязуемый и не имеющий сил избавиться от злой пытки, начинает стремиться к ней, желая таким образом вырваться из рамок обыденщины или ожидая катарсиса, нередко наступающего после столкновения с силами зла. Путь от подлинного страдания к осознанию его самоценности и эстетизации очерчен в этих стихотворных опытах Сологуба.

В цикле «Из дневника» можно проследить ростки многих важных тем и мотивов творчества писателя. В числе их: внутренний протест против пошлости мира, лежащего во зле; преображение мира мечтой; тема «души и плоти»; мотив «босых ног», разившийся в тему духовного странничества; мотив оправдания зла; мотив христианской аскезы («Претерпевший до конца — спасется»). В этой связи цикл по своему месту в творчестве Сологуба приобретает значение «преддверия» к двадцатитомному собранию его сочинений.

В художественном отношении публикуемые тексты более чем неравноценны, но следует помнить о том, что большинство из них было написано не для печати и в допетербургский период, когда поэт сам ставил под сомнение свое дарование. Под стихотворениями часто отсутствуют даты, что нетипично для жанра «дневника», но характерно для манеры Сологуба-лирика в целом: для него датировка была принципиально неважной («Что было, будет вновь. Что было, будет не однажды»).

Стихотворения воспроизводятся по текстам: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 153.

† † †

Бальзаминов¹ собирал
В классе за учење плату.
У окошка я стоял,
Вспомнил поле, кашку, мяту.

Был я в блузе, босиком,
Как всегда бываю в школе
За учительским трудом,
А в уме — леса да поле.

Замечтался я, светло
На душе внезапно стало,
А под пальцами стекло
Запотевшее визжало.

Вдруг я слышу крик: — Шалить
Вздумал в классе! Розог! Живо!
Оголить да разложить!
Подбегают торопливо

Четверо учеников.
Вмиг раздет я, вмиг разложен,
И упал, как с облаков,
Я, в мечте не осторожен.

Раздался свистящий звук,
Началась порка злая.
Я кричал, томясь от мук,
О прощеньи умолая.

Но инспектор был суров,—
Сорок розог отсчитали.
Ни мольбы, ни крик, ни рев
Мне ничуть не помогли.

Бальзамину дана
Власть большая надо мною,—
Мне расправа суждена
Вслед за каждою виною.

* * *

Вальс, кадрили, мазурка, полька,
Это — танцы для балов.
Танцевал бы их, да только
Им учиться бестолков.

А гопак, трепак, присядка —
Деревенский это пляс.
Недоступная ухватка,
Горожане, в них для вас.

Я иную пляску знаю.
Может быть, нехороша,
Но частенько исполняю
Этой пляски антраша.

Для нее костюм не сложен,
Научиться просто ей:
Догола раздет, разложен,
Под мелодию ветвей

Да под собственное пенье
Этой арии простой,
Что из оперы «Сеченье»
И с припевами «ай! ой!»

Высоко взметают пятки,
И танцуют трепака
Прытче вальса и присядки,
Даже прытче гопака.

Не однажды на неделе
Проплясавши так, поймешь,
Что в здоровом только теле
И здоровый дух найдешь.

Это — тело укрепляет,
Изгоняет всяк порок,
И грехи уничтожает,
И притом в короткий срок.

* * *

Весенний вечер. Спит дорога.
Тихонько свищут соловьи.
Молчит недавняя тревога,
И близко плещутся ручьи.

Иду березовую рошей.
Скажи мне, милый соловей,
Что может быть милей и проще
Весенней песенки твоей?

Качнулась тонкая береза
Под легким, свежим ветерком, —
Но где ж пленительная роза,
Сдружившаяся с соловьем?

И вот березовые ветки
Несут мне горестный ответ:
— Здесь нету розовой беседки,
И розы соловьиной нет.

А если розочек желаешь,
То в садик свой иди скорей;
Там, сколько хочешь, наломаешь,
Себе березовых ветвей.

Сегодня раннею порою
Не розги пели там твои, —
Ручные звонко над тобою
Тогда свистали соловьи.

На Юге соловей и роза
Для сладких песенок сошлись,
Тебе ж веселая береза
И соловей в одно слились.

* * *

Вечерние упали тени,
И даль закуталась в вуаль.
Восходят шаткие ступени
Туда, где скрылась печаль.

Молчанье жуткое настало,
Тихонько затворилась дверь,
И то, что только что пылало,
Угомонилося теперь.

Усталое коснеет тело,
Но успокоилась душа,
Как бы опять из-за предела
Эдемским воздухом дыша,

Как будто сходит на ступени
Эдемский гость, небес посол,
И озаряет кротко тени,
Земной прощая произвол.

И я, на голые колени
Поставлен после розог здесь,
Стихи слагаю про ступени,
Ведущие в святую весь,

Где боль и стыд преобразились,
В свободно восходящий дым,
И слезы в росы обратились
Под нимбом, вечноголубым.

* * *

Вино и карты. Проигрался,
А деньги считаны точь-в-точь,
И поневоле я сознался
И проворочался всю ночь...

Уроки кончились, и снова
Настал расправы грозный час,
И повели меня сурово
Для наказания в третий класс.

Не замедляя и не споря,
Я снова принял боль и стыд.
Хлестанью бешенному вторя,
Кричал и плакал я навзрыд.

Так бичевали розги лепко,
Что, выбившись совсем из сил,
Вскочил бы с пола я, но крепко
Веревками привязан был

Руками и ногами к ножкам
Раздвинутых широко парт,
И розги счет вели оплошкам,
Карая карточный азарт.

Сестра смеялась, рядом стоя,
Смеясь, стегали сторожа.
Лежал я голый, плача, воя,
В порывах тщетных весь дрожа.

30 января 1901.

* * *

Вот большая перемена
Осенью или зимой.
Каждый день все та же сцена,
Двор училищный - арена,
Где звучат и крик, и вой.

Все зеленые листочки
С веток сорваны. — Ложись! —
И по телу, точно строчки,
Красны полосы и точки
Жгучей сеткою сплелись.

На земле лежу я голый,
Крепко связанный. Беда!
В муке горькой и тяжелой
Я ору пред всюю школой:
— Ой! Не буду никогда!

Средь мальчишек смех и шутки,
Но, кровинки увидав,
Прекратили прибаутки.
Ах, для каждого так жутки
Эти полчаса расправ!

Всяк теперь припоминает,
Не было ли с ним чего,
И с тоской соображает:
«Не меня ли ожидает
Та же порка, как его?»

Наказали, — Убирайся!
Ну, Корнилов, твой черед!
Поскорее раздевайся,
На земле располагайся! —
И Корнилов уж ревет.

Каждый день нагие ветки
Хлещут голые тела.
Госмеются звонко детки,
Пожалеют напоследки
И поплачут иногда.

* * *

Вот четыре мальчугана
Подошли ко мне смеясь.
Вижу их, как из тумана,
И смущаясь, и стыдясь.

Очень быстро обнажили,
И в минуту на полу,
Не стесняясь, разложили,—
И уж розги здесь в углу.

Саша крепко держит руки,
Леша ноги захватил.
В ожиданьи стыдной муки
Я дыханье затаил.

Петя слева, Миша справа
Стали с розгами в руках.
Начинается расправа,
Болью гонит стыд и страх.

Мне стерпеть не удастся,
И сквозь резкий свист ветвей
Крик и рев мой раздается
Громче все и все звончей.

Нестерпима эта кара,
Но приходится сносить,
От удара до удара
О прощении молить.

Розги трепанные бьют,—
Полминуты лишь вздохну,
И уж новые заносят.
И опять молить начну.

Но суровый Бальзаминов
Не прощает ни за что.
Все мольбы мои отринув,
Отсчитал мне ровно сто.

* * *

Все вместе: проворная пляска,
Свист розог, и рев мой, и вой.
Ветвей беспощадная ласка
Так мучит, что сам я не свой.

Лишь пятки танцуют без лени.
Совсем неподвижен живот.
Меня положив на колени,
Мать порет, а я стою мертвет.

Все порет, браня, упрекая.
Реву я и вою, как зверь;
Вдруг, новым стыдом обдавая,
Скрипит, открываяся, дверь.

Мещанка знакомая входит
И сын ее, мой ученик,
И страх на мальчишку наводит
Мой розгами вызванный крик.

Лукаво смеется бабенка,
И стала мальчишку пугать:
— И ты заревешь так же звонко,
Как стану тебя я стегать.

Учитель от этакой порки,
Наверное, встанет сердит,
И мне тебя на обе корки
Пороть хорошенько велит.

30 января 1885.

* * *

— Все повторять одно и то же
Тебе не стану по сто раз
И накажу тебя построже.
Неси, дежурный, розги в класс.

Да накажу тебя иначе,
Чтоб побольней да постыдней,
И положение не лежаче
Сейчас займешь ты, дуралей,

Разденься, да живей ложися,
Живот на стол, а ноги — вниз.
Смеяться дети принялися
На тот инспекторский каприз.

А мне и стыдно, и неловко.
И руки, ноги мне тотчас
Связала крепкая веревка,
И злая кара началась.

Со стороны смешно движенья
Ног оголенных наблюдать,
Но в этом странном положении,
Ах, мне-то какво лежать!

* * *

Вчера меня в чужом саду
За кражу яблук розгами пороли,
А ныне красть опять пойду.
Коли поймают,— что ж бояться боли!

На пять удачливых ночей
Одна порой достанется мне порка,
Зато в подполице моей
Плодов румяных вырастает горка.

Учитель я, но мал почет,—
В училище хожу я босоногий,
И мама розгами сечет,
Сечет и в школе наш инспектор строгий.

От розог мне не убежать,—
За яблоки приму охотно муку,
И весело мне изучать
Полночных краж опасную науку.

* * *

В бане жарко и туманно,
И четыре мальчугана
На скамью велят мне лечь,
Моют быстро, осторожно,
Очень ловко. Я тревожно
Жду конца: ведь будут сечь.

Со скамейки сняв, водою
Обольют вдруг ключевою,
И разложат на полу.
Вот и розги уж готовы,
И топорщатся, суровы,
На скамеечке в углу.

Все четыре мальчугана
Мной недавно были драны,—
Вот полоски как сини!
Мне случайность не забавна,—
Усмеваются, и славно
Будут сечь меня они.

Пред бедою неминучей
Догадался я,— не случай
Надо мной их нынче свел:
Когда в баню посылала,
Мать таких и подбирала,
Чтобы каждый всласть порол.

6 февраля 1887.

В душевной глубине бушует
Звериная, нагая страсть.
Она порою торжествует,
Над телом проявляя власть.

Вот дама рощицей проходит,
Легки одежды у нее,
А за кустами уже бродит
Вблизи двуногое зверье.

Вот повстречались. Даме жутко,
Но уже похоть в ней горит,
А парень к ней. — Ай, баба! Нутка!
Ложись на травку! — он кричит.

Она бежит, он догоняет,
В его руках дрожит она.
Хватает, на землю бросает, —
И в миг она оголена.

Из-под разорванной рубашки
Прерывистый чуть слышен стон.
На голые он давит ляжки, —
И труд веселый совершен.

— Пошла! — И дама убегает,
Закрыв лицо. В глазах туман.
Смеясь и плача повторяет:
— Вот негодяй! Какой мужлан!

Но в сердце нарастает радость,
Идет все медленней она,
Звериную изведав сладость,
Как от шампанского пьяна.

Порою все же не довольно
Объятий грубых и простых,
И тело жаждет своевольно
Метаний и безумств иных.

Тоска томит и нетерпенье,
И все досадует и злит,
И кто же это все волненье
Поймет и быстро исцелит?

Целители не понимают,
Целимые же не хотят,
Но все же то они свершают,
Что силы тайные велят.

Настала грозная минута,
И розги в воздухе взвились,
И раздражение и смута
В душе внезапно улеглись.

В тройном союзе все сплелось:
Ликуют боль, и стыд, и страх,
И все томление сожглося
В мольбе, и в криках, и в слезах.

Пусть после этих наказаний
Мне стыдно, а другим смешно,
Но стихло пламя беснований,
В крови погашено оно.

* * *

В ночь, как папоротник цвел,
В чашу я босой пошел
Потихоньку ото всех,
Поискать себе утех,
Тайну ночи той открыть,
Клад найти, счастливым быть.

Но я тьмою был пленен,
В сон ленивый погружен,
Час заветный я проспал,
И цветок не отыскал.

Просыпаюсь, — день давно,
А в душе моей темно.
Надо мне домой идти,
Но забыл я все пути.
К счастью, встретил я людей,
Помогли беде моей.

Но вернулся я домой
Только в полдень золотой.
— Где ты был? — спросила мать.
Что сказать, чтоб не соврать?

Говори или молчи,
Знаю, будут розгачи,
И признался я во всем,
И пришлось мне голышом
Наказание терпеть
И под розгами реветь.

10 июля 1884.

* * *

В окна открытые ветер бежит,
Летнего дня с ним вливается жар.
Я на колени поставлен. Жужжит,
В голую ногу впиваясь, комар.

Брошены голые ветки берез,
И шевельнуться не смеет рука —
Скинуть докучного. Стыдно до слез.
В небо гляжу, где плывут облака.

Вольная тучка, плавь да лети.
Там не понятен ни стыд мой, ни плен.
Как хорошо бы на речку пойти,
С удочкой в воду залезть до колен!

25 июня 1886.

* * *

В окне кисейная гардина,
За ней блестит лукавый взор, —
Довольно милая картина,
Которую украшен двор.

Порой гардину отодвинет
Соседка и, раскрыв окно,
Словечко бойкое мне кинет,
А что сказать — ей все равно.

Порой, сорвав за веткой ветку
И листья сбросивши в саду,
Увижу резвую соседку,
Когда я на крыльцо взойду.

Румянцем щеки вдруг зажгутся,
Но эти ветки как не прячь,
Ведь все равно к ней донесутся
Чрез узкий двор мой крик и плач.

2 мая 1886.

* * *

В палящий полдень в темный лес
Унес я к светлому ручью
От ярко-блещущих небес
Тяжелый стыд и боль мою.

Деревья, ветки наклоня
С участием внятным, хоть немым,
Отвешивали от меня
Недавней кары едкий дым.

Когда под голою ногой
Раздастся ветки слабый треск,
Я вспомню, — розги надо мной
Перемежали свист и плеск,

И голос матери моей
Мне ласково твердил упрек,
И длился гибкий свист ветвей,
И лился слез моих поток.

И чем больше розга жгла,
Тем я все больше сознавал,
Что велика вина была
И что за дело я страдал.

И усмирившейся душой
С признаньем слив мольбу мою,
Вопил я: — Ой! прости! ой! ой!
Ой! заслужил! ой! сознаю!

* * *

В переплетной мастерской
Клей поставила на плиту я,
И работою другою
Занялся, беды не чую.

Кто-то дров не пожалел
Сунуть в печку потрудился,
Живо клей перекипел,
И по всей плите разлился.

Неприятен клейный смрад,
И убыток — порча клея,
И мальчишки все глядят
На меня, вперед жалея.

И кастрюлька вмиг снята, —
Горячее клей, чем надо, —
И очищена плита.
Бальзаминову досада;

Рассердился, стал вопить:
— Захотел ты, видно, порки!
Оголить и разложить!
Отодрать на обе корки!

И пришлось мне на пол лечь.
Начинается расправа, —
Мальчуганы стали сечь,
Хлещут розги слева, справа.

* * *

В стране сурового изгнания
На склоне тягостного дня
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому мечта моя цветет.

Его мимолетящей тени
Шепчу молитву, прост и бос,
Склонив смиренные колени
На травной ласковости рос.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
И страх, и стыд, и боль предстанут,
Все кары надо перенести.

И с этой ласковой березы,
Где листья клейки по весне,
Покорно наломаю лозы,
Сулящие мученья мне,

И непреложность заклинанья
Зажжет восторги в муке злой,
Когда звенящий крик страданья
В протяжный перельется вой.²

* * *

Две дамы ехали в коляске,
Я мимо с мальчиками шел.
Здесь ожидать плохой развязки
Не догадался б и осел.

Да вот беда, — не снял я шапки,
Не видел, что из дам одна,
Хоть и сидит порою в лавке,
Но Розенбергова жена.

Вот вечером приказ явиться
К инспектору я получил.
Он начал на меня сердиться,
И долго он меня бранил.

— Ну что ты нос-то задираешь!
Какая дерзость! срам какой!
Вот погоди, уж узнаешь,
Мальчишка, озорник босой!

Зазнался! Думаешь, — учитель,
Так очень важен и хорош!
Он — наш почтенный попечитель!
Его жену не ставишь в грош?

Что? не заметил? Дурадея,
Негодный, корчить погоди!
Иван! возьми его! Живее
С ним к Розенбергу в дом иди!

Пред Розенбергом стоя, красный,
Босой, взволнован и смущен,
Все объяснил я, но напрасно, —
Не захотел мне верить он.

Я у него просил прощенья
Смиренно, долго, он отверг
Мои все слезы и моления,
Спесивый, злобный Розенберг.

И молвил: — Кончить не пора ли?
Иди-ка в кухню. Там, в саду,
Тебе уж розог наломали.
Себе накликал ты беду.

Приказ он отдал: — Босошлепу,
Чтоб нос не задираал вперед,
Разрисовать покрепче
Погорячее, в переплет.

И, разогретый очень злобно,
Урок я слушал: — Не зевай!
Вперед веди себя пристойно,
Да клянуться не забывай!

24 июня 1883.

* * *

Денег нету ни гроша,
Зато слава хороша.

Заддадут порой вопрос:
— Отчего ты ходишь бос?

А на нет ведь нет суда,
Значит нету и стыда.

Тот осудит, кто глупей,
Тот похвалит, кто умней.

Глупый скажет: — Боском
Не пойдешь в богатый дом.

Умный скажет: — Примечай,
Как босые входят в рай.

Глупый скажет: — Скуп и нищ.
Для сапог не нужно тыщ.

Умный скажет: — Знать, не мот,
И копейки бережет.

Глупый скажет: — Холодно,
Босиком ходить смешно.

Умный скажет: — Закален,
Бережет здоровье он.

И такой вопрос дадут:
— Отчего тебя секут?

Так же можно отвечать:
— Ведь родная учит мать.

Глупый скажет: — Стыд какой!
Все смеются над тобой!

Умный скажет: — В пол лицом,
Мать проучит прутовьем,

Ей покорен, — молодец!
Тут греху всему конец.

Прут с березы не убьет,
А на добрый путь взведет.

Умных меньше, чем гупцов,
Да боятся мудрецов.

То, что умный говорит,
После глупый повторит.

И со мной сбилось то ж:
Скажет умный, так поймешь.

Посмеялись надо мной,
Покачали головой,

Но меня ж они потом
Называли молодцом.

Значит: денег ни гроша,
Зато слава хороша.

18 апреля 1888.

* * *

День сияет — румяный и белый.
Посмеявшись над маленьким горем,
Мать сказала: — Еще раз так сделай,
Побольней непослушного вспорем.

У меня на щеках еще слезы,
На коленях стоять еще надо,
Но не страшно мне гневной угрозы,
И душа моя солнышку рада.

И на розги гляжу я без страха:
Обломавшись, они замолчали,
И на мне уже снова рубаха,
И рыдания мои отзвучали.

* * *

Длинным школьным коридором,
Мимо классов, где шумят,
Провожаем злобным взором,
Прохожу тоской объят.

Вся одежда там осталась,
В этом карцере глухом,
Где мечта моя мегалась
Двое суток под замком.

И теперь иду я голый,
Весь румянцем залитой.
Предстоит мне час тяжелый
На полу там в мастерской.

ДНЕВНИК

Дневник содержит школьный мой
Страницы строгих предписаний,
И дальше поместился строй
Моих проступков и взысканий.

Сперва директорский наказ,
Потом идут десятки правил.
Инспектор строгость их не раз
Меня почувствовать заставил.

Есть правило, что босиком
Я быть обязан на уроке,
И как справляться мне с трудом,
Все точно вычислены сроки.

А дальше ряд страниц идет,
Где в выраженьях непреклонных
Точнейший вносится учет
Моих деяний незаконных.

Графа, налево уж страшна.
В ней истолчен я, словно в ступке.
Вина там каждая видна,
И надпись у нее: «Проступки».

Четыре главные вины:
Шалил, дерзил, был непокорен,
Ленился, — все они видны,
Дневник мой ими изузорен.

Я уронил случайно стул,
На классной губке есть прореха,
По классу вдруг пронесся гул
От детского живого смеха,

Иль кляксу посадил в журнал
Или на книжную страницу,
Иль пальцем по стеклу стучал,
Иль с шумом уронил таблицу,

Иль мелу в классе накрошил,
В руке почувствовав усталость, —
Инспектор все определил
Одним именованьем: шалость.

Скажи-ка я: — Не виноват!
Нельзя не шелохнуться детям!
Ответит он: — Всегда шумят,
А ты дерзишь, так и отметим.

— Давай живее свой дневник,
Сейчас же будет и награда,
А ты, дежурный ученик,
Неси живее то, что надо.

Когда инспекторский приказ
Хотя на йоту мной нарушен,
Или замедлен, хоть на час,
В дневник он пишет: непослушен.

Коль из тетрадей хоть одну
Не просмотрел я, хоть трудился
Над ними ночь, — мою вину
В дневник запишет он: ленился.

Все видит он, за всем следит,
Посмотрит каждую тетрадку.
Усерден он и домовит,
И очень предан он порядку.

Графа вторая широка,
И вызывает содроганье.
Над нею надпись жестока,
Одно лишь слово: «Наказанье».

Ее глазами пробежать
Мне вовсе не бывает лестно.
Пришлось часто мне читать
Там надпись грозную: телесно.

Столбец цифирью запестрел,
И надпись: уд., читай: удары.
В них отмечается предел
Грозящей мне телестной кары.

Но в «Наказаньях» есть слова
Слабей: «на голые колени
Стань в классе; час», порою «два»,
Иль «в зале стой на перемене».

Порою запись: «10 плюх»,
Или такая: «б пощечин».
Хоть розги крепче оплеух,
Доволен все же я не очень.

Таков-то школьный мой дневник.
Учитель я, а в самом деле
Я — босоногий ученик,
Без кар почти что ни недели.

3 апреля 1883.

* * *

Еще не мало мне осталось
Тетрадок школьных просмотреть.
Уж поздно. Я гоню усталость,
Чтоб завтра не пришлось реветь.

Но клонит сладкая дремота,
Туман в глазах, темно кругом,
Потяжелели отчего-то
Босые ноги под столом.

Дремлю, дремлю, и, засыпая,
Вдруг мамин окрик слышу я:
— Задряхнул! Ж..у настагаю!
И вмиг дремота где ж моя!

И снова спорится работа,
Бежит рука с карандашом,
Тихонько отбивают что-то
Босые ноги под столом.

Чуллок на спицах быстро вяжет,
На стуле сбоку сидя, мать,
И знаю, — розгами накажет,
Коль снова вздумаю дремать.

* * *

Есть для меня простых два слова,
И с ними связан смысла двойной,—
Слова «иди» или «готово»,
Произносимые сестрой.

Порой «готово» означает:
— Вот полоскание для зубов.
Порою поркой угрожает,—
Пук свежих розог уж готов.

— Иди, пора уже обедать,
Скорее, Федя, стынут ши.—
Иди-ка розгачей отведашь,
Повоешь, Федька, не взыщи.

Две клички мне даются розно:
Коль Федя — ласковая речь;
Коль Федькою покличет грозно,
Так значит захотела сечь.

Еще двум кличкам есть дорожка
За мой смиренный гардероб:
Коль в доме мир, я — «босоножка»,
А если ссора,— «босошлеп».

24 августа 1900.

* * *

Иногда мне станет тошно,
Если долго не секут.
Нагрешу тогда нарочно,
Стану дерзок, зол и крут.

Разобью иль поломаю
Хоть линейку, хоть стекло.
Сам себя не понимаю,
Так на сердце тяжело.

Покоряясь грозной воле,
На пол я потом ложусь,
И когда от резкой боли
Наорусь и наревусь,

Вдруг в душе спокойно станет,
Жизнь покажется легка,
И уж сердца не тиранит
Посрамленная тоска.

Но такие промежутки
Мать не часто мне дает.
С нею очень плохи шутки,
За пустяк порой сечет.

Пусть из прутьев от березы
Солона была лапша,
Но едва обсохнут слезы,
Успокоится душа.

* * *

И рад бы не пошел,
И рад бы не давался,
Да схватят за хохол:
— Терпи, коли попался!

И рад бы я, не лег,—
Рубашку с плеч стащили,
Штаны стянули с ног,
Меня же разложили.

И рад бы убежал,
Да держат очень крепко.
И рад бы не кричал,
Да розги хлещут лепко.

Сподручней быть смирной,
Без спора покориться,
И на пол поскорей,
Раздевшись, ложиться.

* * *

Исправник старый мирно жил
И зубы мужикам лошил.
Его жена была портниха
И учениц лупила лихо.

Два сына были озорные
Мальчишки. Не умела мать
Унять их, и городовые
На двор вели их часто — драть.

Порой заказчица-купчиха,
С улыбкой слушала их вой,
Промолвит: — Сын-то мой — блажной!
— Пришлите! — скажет ей портниха.

И смотришь: точно, вечером,
Послушав розочного свиста,
Мамаша в полицейский дом
Тащила сына-гимназиста.

Городовым дает на чай,
А те: — Барчонок, получай!
Они, подачке щедрой рады,
Секут мальчишку без пощады.

Иной мальчишка сам придет,
Неся от матери посланье,
А после порки сам дает
На чай за это наказанье.

Я одного спросил: — Пришел
Зачем ты сам? — Сказал: — Послали!
Когда б отец меня привел,
Ударов вдвое больше б дали.

Увы! я скоро поспешил:
И сам туда ж дорогой близкой.
Пришел я с маминой запиской,
И все, что надо, получил.

5 ноября 1887.

* * *

Истомившись от капризов
И судьбу мою дразня,
Сам я бросил дерзкий вызов:
— Лучше высеки меня!

Чем сердиться так сурово
И по целым дням молчать,
Лучше розги взять и снова
Хорошенько отстегать.

Мама долго не томила,
Не заставила просить,—
Стало то, что прежде было,
Что случалось выносить.

Мне никак не отвертеться.
Чтоб удобней было сечь,
Догола пришлось раздеться,
На колени к маме лечь,

И мучительная кара
Надо мной свершилась вновь,
От удара до удара
Зажигалась болью кровь.

Правда странная побоев
Обнаружилась вся:
Болью душу успокоив,
Я за дело принялся.

27 октября 1889.

* * *

Каждый месяц подвожу я
Счет на всю казну мою.
Если все сошлось,— ликуя,
Счет я маме подаю.

Хоть в Казенную палату
Подавай, так точен счет.
Но за каждую растрату,
Хоть в копейку, мать сечет.

— Знаешь сам, что есть прорехи,
Надо то и то купить,
Получай же на орехи,
И умней старайся быть.

Помни: каждая копейка
Целый рубль побережет.
Сотрясается скамейка,
На которой мать сечет.

Не соскочишь, коль привязан,
Никуда не убежишь.
После, розгами наказан,
На коленях постоишь.

Ах, не пряник и «не» бублик
За растраты мать дает,—
За копеечку, за рублик
Больно розгами сечет.

9 июля 1891.

* * *

Каждый раз, как взор встречает
Где-нибудь в углу метлау,
Память мне напоминает,
Как частенько на полу

Ждал я. Прутья шелестели,
За пуком слагался пук,
И дрожало в голом теле
Ожиданье стыдных мук.

Голос матери раздался,
Вот просвистнула лоза,
Я от боли заметался,
За слезой бежит слеза.

Так домашних исправлений
Проходил я трудный строй,
Сея возгласы молений,
Жгучей боли рев и вой.

* * *

Какая низменная проза!
Объелся яблоками я,
И виснет надо мной угроза,
Что плохо ночь пройдет моя.

Желудок нестерпимо режет,
Раздулся бедный мой живот,
И понял я зубовный скрежет,
Который грешников нас ждет.

Во рту погано так и кисло,
Ни усидеть, ни стать, ни лечь.
Угроза новая нависла:
Грозится мама больно сечь.

Я знаю, сбудется угроза,
Мне кары той не избежать.
Какая низменная проза, —
В стыде и страхе трепетать!

3 сентября 1883.

* * *

Как весел сад, душист и зелен!
Как птицы радостно поют!
А мне не весело, — мне велен
Здесь очень невеселый труд.

Сказала мать: — Иди, проказник,
Покрепче розог там нарви.
Ужо задам тебе я праздник,
Знай, будет задница в крови!

И в этом птичьем щебетанье,
В пленительном земном раю
Себе готовлю наказание
И муку стыдную мою.

С березы ласковой и нежной
Я ветки подлинее рву,
Чтоб с них потом рукой прилежной
Оброснуть листья на траву.

* * *

Как есть домашняя скотина,
Так есть домашние слова.
Семейной жизни вся картина
Бывает в них совсем ясна.

Пересказать сперва придется
Те прозвища да имена,
Которым слушатель смеется,
Хоть шутка вовсе не смешна.

Слова особые мы ищем,
И смысл их нам давно знаком.
Хожу порой я босичищем,
Хожу порой я босиком,

И босоты моей ступени
Приметой разнятся одной:
Я босичищу, открыв колени;
Закрыв колени, я босой.

Я называюсь необулом,
Когда босой хожу с утра.
Обутый вышел, так разулом,
Вернувшись, зваться мне пора.

В штанах коротких — щеголяю,
А вовсе без штанов — франчу.
То имя «щеголь» получаю,
То имя «франта» получу.

Когда все тело на свободе
И, как Адам, я обнажен,
Так значит, я по первой моде,
Или по-райски наряжен.

И для телесных наказаний,
Смотря по степени вины,
Не мало прозвищ и названий
Для различения даны.

О их значении не спорят,
В них каждый разочтен удар.
Секут, стегают, хлещут, порют,
Дерут, — сильнейшая из кар.

Мы различаем розги, лозы,
И лозаны, и розгачи,
И розгачищи, — с ними грозы
На теле слишком горячи.

Заря — еще немного боли,
А зарево — уже больней,
А до пожара допороли
Или додрали, — что страшней!

И требует сноровка наша,
Чтоб слово било прямо в цель:
Лапша, березовая каша,
А послабее — вермишель.

Обязан я совсем быть голым
Всегда, когда меня секут.
За это прозвищем веселым —
Голик — тогда меня зовут.

Мать говорит, начав расправу:
— Задам же баню я сынку!
Лежи, пройдуся-ка на славу
Я голиком по голику!

Когда я на полу разложен,
Домашний требует язык,
Который в кличках осторожен,
Чтоб я был «драный половик».

Я называюсь «душегрейка»,
Коль на коленях мать сечет,
А если подо мной скамейка,
То коврик я иль переплет.

Когда от боли я ногами
Мечусь и выюся, словно выюн,
И называюсь именами —
Иль голопаяс, или паясун.

Пощечины зовутся плюшки,
А если горячи -- блинки,
И называются ватрушки
По телу голому шлепки.

Я на коленях, так для шуток
Домашних стал я полотер.
Так много разных прибауток
Пришлось узнать, — язык остер.

Но босотой или сеченьем
Домашних слов не исчерпать.
Хочу другим стихотвореньем
Словца другие передать.

13 июля 1892.

* * *

Как этот час был беспощаден!
Я истомился, как в аду,
И множество кровавых ссадин
Пылает на моем заду.

Инспектор был весьма рассержен
Непослушанием моим,
И вот я в классе был повержен
На голый пол совсем нагим.

За локти, за ноги держали
Меня мои ученики,
И два ученика стегали
Меня во весь размах руки.

Немного дети посмеялись,
Потом затихли все и вот
Одни лишь в классе раздавались
Мой рев, мольбы, ударов счет.

Вот насчитали сто. — Довольно!
В рубашке на коленях стой.
Ну что, мерзавец, стыдно? больно?
Да постоишь и в мастерской.

Звонок. Ушли на перемену.
Потом опять даю урок,
Весь красен. Каждому колену
Пол одинаково жесток.

Не слышно вовсе разговоров,
И не смеется уж никто,
И только раз сказал Егоров:
— Небось, взрвешь, как всплуют-сто!

* * *

По милым, свежим травам,
Обрызганным росой,
В смиренны не лукавом
Опять иду босой.

Меня от зимней лени
Спасти пришла весна,
И голые колени
Ласкает мне она

И солнечным сияньем,
И вздохом ветерка,
И радостным лобзаньем
Лесного ручейка.

И ландыш, и фиалка
Торопятся цвести,
Но мне срывать их жалко,
И жаль домой нести.

Ведь так они привольно
И радостно цветут.
Когда сорвешь, им больно,
Как мне, когда секут.

Но все ж пора за дело:
Сегодня утром мать
Побольше мне велела
Лесных цветов набрать.

Ах, к телу ближе, видно,
Своя рубашка! Что ж,
Хоть перед вами стыдно,
Но поневоле рвешь.

Точись, цветочных слезок
Невинный, чистый сок,
Чтобы себя от розог
Я нынче уберег.

С тяжелым состраданьем
Лесную жизнь губляю,
Зато непослушаньем
Я мать не прогневаю.

* * *

Привыкнуть можно ко всему
А все же к розгам не привыкну.
К стыду большому моему,
При первом же ударе вскрикну.

Сбирает мама прутья в пук,
Лежат другие прутья розны,
А мне уж страшно острых мук,
И шелестенья прутьев грозны.

Велит совсем раздеться мне,
И даже сдернута рубаха,
И пробегает по спине
Холодное дыханье страха.

Сечет, и слезы в три ручья,
Мечусь напрасно, крепко связан,
Такая боль, как будто я
Сегодня в первый раз наказан.

— Не буду больше! больно! ой!
Ой! ой! прости! — кричу неволью.
— Ой! мама! сжапись надо мной!
Ой! ой! прости, помилуй! больно!

Хотя случилось порой,
Что и не раз в неделю секла,
А все ж привычки никакой
К домашнему преддверью пекла.

* * *

Разговор короток с приставом...
— Надо прежде деньги получить...
Но в усердии неистовом
Он не даст мне и договорить.

— О ремонте можно б ранее,
У меня, узнав, похлопотать,
А теперь уж наказания
Вам телесного не избежать.

Наказание телесное,
И не только для одних детей,
Средство просто расчудесное!
Раздевайтесь же поскорей!

Ведь мальчишек вы стегаете,
В этом видите вы, значит, прок.
На себе вы испытаете,
Как полезен будет вам урок!

* * *

Запросили в гости,
Да не скрыли злости,
Начали шпынять:
Очень уж я скромн,
Обиход мой темен,
И строптива мать.

Чем же недовольна?
Часто ли и больно,
И за что сечет?
Иль мне так и надо?
Розги где: из сада
Иль в лесу берет?

Правда ль: бережлива
Так, что всем на диво.
И велит ходить
Мне босым? Жалею
Денег, иль не смею
Обуви носить?

Мне б сказать им смело:
— Вам-то что за дело?
Что за разговор? —
Но совсем смущаюсь,
Мямлю, запинаясь,
Потупляю взор,

И язык что пробка,
И сижу я робко,
Красен, словно рак.
И язвят нещадно,
Думая злорадно:
«Этакий дурак!»

4 октября 1887.

* * *

Сам себя не понимаю,
Только верю я себе,
Потому что твердо знаю:
Верить надо нам судьбе.

Я бываю зол порою,
Раздражителен, угрюм,
И, отравленный тоскою,
Полон горьких мыслей ум.

Становлюсь я мрачно-дерзок,
Все б ломать да отрицать,
И себе тогда я мерзок,
Но с грозой приходит мать.

Розги гибкие взовьются
Беспощадно надо мной,
В тело голое вопьются,
Вызывая крик и вой.

И душа моя смирится,
Муками утомлена,
И на сердце водворится
Благодатно тишина,

Точно это мне и надо,
Точно иначе б не мог
Сердце вырвать я из ада
Необузданных тревог.

Так, умом не понимаю,
Но смиренною душой
Все покорно принимаю,
Что мне послано судьбой.

4 декабря 1887.

* * *

Сгорала злость моя до тла
В кровавой ярости сеченья.
Была медлительна и зла
Вся эта пытка исправленья.

Наказывали на дворе.
Соседки из окна смотрели,
Смеясь, как в бешеной игре
Хлестали розги и свистели.

Их брат, веселый мальчуган,
Меня с товарищем пороли.
Держали двое. Как чурбан,
Лежал я и орал от боли.

Когда секут, сгорает стыд.
Хоть все в окрестности сбежитесь,
Но об одном лишь боль вопит:
— Простите! Сжальтесь! Заступитесь!

Нет, не заступятся. «Секут,
Ну, значит, так ему и надо!»
И даже розги принесут,
Взамен истрепанных, из сада.

27 июля 1887.

* * *

Сегодня утро было ясно,
Уроки хорошо прошли,
А вечерело очень красно,
И тучи в небо поползли.

И вечер темен. Мама хлещет
Нешадно розгами меня,
И тело голое трепещет,
Но что же вся моя возня,

Мольбы, и крики, и рыдания!
— Ой! Мама, милая! Ой! ой!
Прости! Помилуй! — Наказанье
Терпи, голубчик! Не впервой!

Удары медленно считает:
— Вот тридцать два! Вот тридцать три!
Что, больно, милый? — И стегает.
— Без спроса, дурень, не бери!

— Прости! Прости! — Терпи, сыночек!
Еще один! Вот тридцать пять!
— Ой! ой! — Терпи же, голубочек!
Что, будешь сахар воровать?

— Так вот тебе! Еще! Вот сорок!
Да пятками-то не махай!
Коль жить не можешь ты без порок,
Так вот тебе! — Ой! Ой! Ай! Ай!

Сечет, сечет. — Вот сорок восемь!
Еще один! Вот пятьдесят!
Ну, а теперь сынка мы спросим:
Ты сознаешь, что виноват?

— Ой, мама, виноват! Не буду!
Не буду больше никогда!
Я этой порки не забуду,
Запомню, мама, навсегда!

— Так! Задний ум, коль слаб передний,
Тебе вколачивает боль!
Горяченький, зато последний,
Десяток получить изволь!

Еще десяток отсчитала,
Потом спросила: — Что, сынок,
Довольно? Или еще мало?
— Спасибо, мама за урок!

* * *

Сказала мне сегодня Даша,
Большую волю дав рукам:
— Небось, березовая каша:
Накрасила и щеки вам!

И задница красива стала
(Ведь где эстетику нашла!),
Когда от розог запылала,
Краснее кумача была.

Красиво так за пяткой пятка
Мелькали, или обе враз,
Что даже лишних два десятка
Не пожалела я для вас.

Да я ведь вычту их исправно,
Когда опять придется драть.
Зато уж выпорола славно.—
И принялася хохотать

* * *

Скука тусклой жизни мне уж надоела,
Стало мне постылым собственное дело.
Дорогой ценою заплаатить я рад,
Чтобы жизнь сложилась на широкий лад:

Счастье, так уж счастье, сочное, нагое,
Горе, так уж горе, злобное, крутое.
Ласка, так уж ласка, полная любви,
Кара, так уж кара,— задница в крови.

Нет большого счастья, нѣт большого горя,
Только, если выпью,— по колена море,
Ну и достается больно мне тогда,—
Мать сечет, так, что же! это — не беда!

Правда, и до крови иногда стегает,
Только дома скоро стыд мой замирает.
Не ведут на площадь, не идет палач,
Повертись немного да слегка поплачь.

Все же после ласки маминой светлее,
Все же после порки голова яснее,
Все же гонят скуку эти боль и стыд
И позабываешь мелочность обид.

* * *

Увлечшись индивидуализмом,
Смешать его готов ты с эгоизмом,
Но вот о чем подумай крепко ты:
Творящий Азь дойдет и до Фиты.

И я в мои растроченные годы
Был друг неограниченной свободы,
И подменять случалось не раз
Тогда мне «я» на очень крупный Азь.

В усердии, с большой любовью слитом,
Меня знакомя с целым алфавитом,
Смирjali часто маленькое «я»,
И укротилася душа моя.

В минуты бунта приходили Буки,
Неся мне корни горькие науки,
Вещая: Азь Буки Глагол Добро.
Молчанье — золото, речь — лишь серебро.

Единый только Есть, вы все Живете,
Зело утруждены на белом свете.
Встречай же дни, создателя хвала,
Чьей благодатью наполнена Земля.

А Иже знает і, тот в неге сладкой
Кончат дни, как слоги Иже с краткой.
И Како Люди в мире поживут,
Такой от Господа им будет суд.

Мыслете: Наш Он, Бог, Покой. Рузы Слово,
По правде, Твердо; если ж бестолково,
Придут учить и Ук, и Ферт, и Хер
Похерит все, что вылезло из мер.

Цы скажет: — Цыц! смирись, во тьме ползущий!
А вот за ним скользит и Червь грызущий,
И близнецы там идут, Ша и Ща,
Шният они, от злобы трепеща.

Вот твердый Ер с Еры и с нежной дочерью,
Такую бледенькой и мягкой Ерью.
Вот педаантичная проходит Ять,
На кою вольнодумцам наплевать.

За нею Э, задумчивый и строгий,
Идет своей особенной дорогой.
Общительная, ласковая Ю
И Я с Фитой слились в одну семью.

За ними, рифму удлиняя, Ижица
Благочестивая с угрозой близится,
И голосом козлиным говорит:
— Хвала тому, кто знает алфавит!

Прочесть он может много разных книжиц.
Хотя иные обошлись без Ижиц,
Но учат все, что только Азь один
Без прочих букв, что пень среди долин.

И, кончив речь свою благочестиво,
Меня он повергает на пол живо,
И розгами меня сечет, а я
Мечуся, наг, от боли вопия.

1 августа 1902.

* * *

Уже на запад солнце клонит,
А воздух дышит горячо.
На речку мама снова гонит:
— Иди-ка, поуди еще! —

Хоть лень идти, но с мамой споры,
Мне наказанием грозят,
И вот мои недолги сборы,
Менять не надобно наряд.

И в легкой полотняной блузе,
В коротких до колен штанах,
В потертом сереньком картузе,
В природных прочных сапогах

Забрел я в реку. Удят рядом
Со мной мои ученики.
Завистливым взирая взглядом
Все на чужие поплавки.

Улов удачен. Не осудит
Меня взыскательная мать,
И, улыбаясь, ужин будет
Из свежих рыб готовить.

Уж сколько раз я обещаюся
 Не пить проклятого вина,
 А вот в гостях не удержался,
 И, как сапожник, нализался,
 И уж не знаю, чья вина.

Две рюмки водки выпить можно,
 Не опьянешь от того,
 Но в том беда, что мысли ложно
 Потом бегут, и осторожно
 Уже не взвесить ничего.

В субботу так я угостился,—
 Товарищ на вечер позвал,—
 И в воскресенье протомился,
 И в понедельник все сердился,
 Мальчишек в школе пробирал.

Уроки кончились. Стемнело.
 Сестра позвала сторожей.
 Меня учить пора приспела,
 И дали мне за это дело
 Урок посредством розгачей.

С веселым смехом на расправу
 * Ведут меня в четвертый класс.
 Накажут, знаю, не в забаву:
 Ведь розги выбраны на славу,
 И в ванные пролежали час.

Начальник утром я над школой,
 А к вечеру того же дня
 Мне задают урок тяжелый:
 На неметеный пол я голый
 Разложен и дерут меня.

Ору, реву, молю прощенья,
 Но тупежны слезы и мольбы:
 Числу ударов для сеченья
 Назначенных, нет измененья,
 Как нет пощады у судьбы.

Что ж делать! Сам ведь дал я право
 Сестре распоряжаться мной,
 И вот телесная расправа,
 Параграф строгого устава,
 Вместились в мой домашний строй.

* * *

Уж скоро осень будет зрелой,
Повиснет яблок наливной,
А на березе пожелтелой
Все гибки ветки, как весной.

Осенней ночью я, как прежде,
В чужой залезу сад опять
С двумя мальчишками, в надежде,
Там сладких яблоков нарвать.

А если попадусь, березы
Стоят недаром у плетня:
Услышу снова брань, угрозы,
И тут же высекут меня.

Но в сердце жажда приключений
Так необузданно сильна,
Что и мучения сечений
Не испугается она.

Притом же эту цену
Дешевле яблоки достать,
Чем с тощею моею мошною
Их на базаре покупать.

Провал бывает не всегдашний,
И, значит, не всегда секут,
А взятое в ночи вчерашней
Сегодня не отнимет прут.

* * *

Услышав строгий призыв твой,
Прошел я шаткие ступени,
И стал смиренно пред тобой
На обнаженные колени.

Слегка кружилась голова.
От страха и стыда краснея,
Я слышал гневные слова,
Ответить ничего не смея;

Порою ветер залетал
В окно открытое беседки,
И на скамейке колыхал
Свежо нарезанные ветки.

Ах! предварительный урок,
Я знаю, будет слишком краток,
И засмеется ветерок
Мельканьям быстрых голых пяток.

Со щебетаньем звонким птиц
Смешаются иные звуки:
Посвистыванье крепких виц,
Мольбы и вопли резкой муки.

* * *

Утро. В классах шум. Тоскливо.
Жду я. В карцер входит врач.
С ним Сосулька,³ крикнул: — Живо
Раздевайся, да не плачь!

Я снимаю, холодея,
Все, надетое на мне,
И мурашки, страхом вея,
Побежали по спине.

Врач мне грудь послушал, кожу
Щупал, мял со всех сторон,
Буркнул: — Жалоостную рожу
Корчить нечего, — силен.

Сердце, легкие в порядке.
Двести розог можно дать.
Розгачи хоть и не сладки.
Да придется получать.

* * *

Утро. Солнце светит мне в окошко,
А в душе тревога, скука, лень.
Вижу, тучка крадется, как кошка, —
Вот сейчас тут на пол ляжет тень.

День опять пройдет в труде и скуке,
Буду вновь мальчишкам толковать
О Петре Великом, да об луке,
Да о том, где надо ставить ять.

Может быть, все мирно обойдется,
Может быть, придут и боль, и стыд,
К пустяку инспектор придерется,
Выдрать розгами меня велит.

Дома вновь докучные тетрадки,
Где ошибок бестолаковых сеть,
Где все буквы кривы, косы, гадки,
И за полночь с ними мне сидеть.

В этой скуке, словно развлеченье,
Если мать случайно рассержу,
И под мукой жаркого сеченья
На полу я голый полежу.

* * *

— Хорошо, вам аттестат
Мы отличный накачаем,
Строчки все поставим в ряд,—
Это дело мы ведь знаем.

Тут бумага не нужна,
Перьев и чернил не надо,
И телесная дана
Будет вам сейчас награда.

Что бумага! Обронить
Можно всякую бумажку.
Нет, на теле мы строчить
Станем, снявши с вас рубашку.

Прутьев крепких связки две,
Да скамейка, да веревка.
Дать подушку к голове?
Вам лежать, надеюсь, ловко?

Голой, связанный лежу,
Аттестат я получаю,
И ору, реву, вижду,
О прощеньи умоляю.

-- Встаньте! Годен аттестат?
Вам не надо добавленья?
Что же вы? благодарят,
Получивши награжденье.

Аттестат-то наш каков!
В ноги стоит поклониться! —
И пришлось без лишних слов
Приказанью покориться.

— Одевайтесь! Аттестат
Надо помнить слово в слово,
А не то я буду рад
Написать его вам снова.

* * *

Хорошо ли я одет,
Черезмерно худо ли,
Бодро я гляжу на свет,
Не теряю удали.

Хоть порой душа моя
Никнет и печалится,
Хоть порой тоска-змея
Нестерпимо жалится,

Хоть порою под прутом
Бьется тело голое,
Да придет ко мне потом
И пора веселая,

Удальство и озорство
Будто разгуляются,
Не бояся ничего,
И ни в чем не каются.

Доложить ли хоть дозой,
Чтобы стал я шелковым?
Видно, род мой озорной,
Не добиться толка вам.

* * *

— Хорошо, что ты грибов набрал,
Да зачем же ты штаны порвал?

-- Я попал в колючие кусты,
А штаны стареньки, знаешь ты.

-- А почто штаны не засучил?
А почто ты ног не заголил?

Не хотел царапать ноги, знать?
Прогневил опять, негодный, мать!

Там в лесу жалел ты голых ног,
Только кожи все ж не уберег!

Ведь одежду надо поберечь,
А не хочешь, буду больно сечь.

Сам сейчас увидишь, что лапша
Из березы больно хороша,

И березовая каша вслед
Горяченька будет на обед!

— Мама! больно! ой! ой! ой! прости!
Сжался! ой! помилуй! ой! пусти!

— Потерпи немножечко, дружок!
Кончу сечь, прошу тебя, сынок!

* * *

Хотел я быть героем
И бабушке сгрубил,
Но скоро кухню воем
И ревом огласил.

За дерзостное слово,
Ворвавшееся в речь,
Опять меня сурово,
Раздевши, стали сечь.

У пяток много прыти,
Но в сердце скисла прыть,
И я ору: — Простите!
Не буду я грубить!

* * *

Что за неделю накопилось?
Немного: пакет, другой...
Вдруг сердце трепетно забилось, ---
Лежит повестка предо мной.

Простое дело — два пакета,
Повестка серая страшна.
Я знаю, чем грозит мне это.
Душа уж чем-то смущена.

Читаю спешно: извещение,
Что в срок не выполнено мной
Законное распоряженье
О перестилке мостовой.

И приглашение — в участке
Быть вечером к восьми часам.
И по щекам густеют краски,
Глаза блуждают по строкам.

Все буквы, запятые, точки
В пятно слилися на стене
Я знаю, там напишут строчки
Не на бумаге, а на мне.

Так часто малая примета
И признак часто небольшой.
Страшнее, чем Харон и Лета,
Становятся перед тобой.

Увидишь слева новолунье,
Иль заяц путь перебежит,
И знаешь: злобная колдунья
Недоброе наворожит.

В приметах данное случайно
В ответ на мысли о судьбе
Порой совсем необычайно
Варуг отразится на тебе.

* * *

— Что топорщишься, как гоголь!
Не достать тебя рукой!
А скажи, вчера не строго ль
Обошлася я с тобой?

Вишь, инспектор, важный барин! —
Раскричалася сестра, —
А давно ли был отжарен
Розгачами ты? вчера?

Дома ходишь босошлепом, —
Для смиренья так веваю, —
А забылся, — по Европам
Розгами сейчас пошляю.

Я тебе теперь за дело
Пропишу и ой и ай!
Раздевайся-ка да тело
Мне под розги подставляй!

На колени положила,
Розги крепкие взяла,
И бранила, и стыдила,
Сорок розог мне дала,

И в одной из кар домашних
Мне опять пришлось реветь,
А на садинах вчерашних
Новая чертилась сеть.

26 мая 1904.

* * *

Шутить порой мы начинаем,
Когда кому-то не смешно.
Шутливый смысл тогда влагаем
В слова, известные давно.

Утратив прежние значения,
Слова причудливо звучат.
Ору я в грозный час сеченья,
Ну, значит, я — аристократ.

Как будто бы на самом деле
Значенья разные смешав,
Наделав ссадин — граф на теле,
Мать вспоминает телеграф.

Недавно рассердил я маму,
Потом я на полу лежал,
И с громким криком телеграмму
Довольно долго принимал.

Мать назвала меня обломом:
— Вишь, обломала веник весь.
Сестра дразнила насекомым,
Значений составляя смесь.

И грозный смысл был приурочен
К простым словам, — сказала мать:
— Простеган славно и прострочен,
Как одеяло на кровать.

12 мая 1891.

* * *

Я к сроку не перемостил
Участка перед школой нашей, —
В участке пристав угостил
Меня березовою кашей.

Сегодня так же, как вчера,
Все остается в прежней силе.
Сначала мать, потом сестра
О том директора просили.

Порядок заведен такой,
Директором наставлен пристав,
И неустанно он за мной
Следит, и в строгости неистов.

Придет повестка — так и знай,
Все вовремя исполнить надо:
Скорее крышу починяй,
Иль краску исправляй фасада.

А после срока через день,
Коль не исполнено задание,
Опять повестка... — Делать лень,
Так потерпите наказание.

А розги уж лежат в углу,
Городовые раздевают,
И вот я голый на полу,
И вот уже меня стегают.

Так над людьми везде царят
Уставленные кем-то сроки;
А если люди проглядят,
Возмездья сроки так жестоки!

Ах, если б можно было жить,
Как ангелы живут, беспечно,
О малых сроках не тужить,
К великим устремляться вечно!

От заповеди: «Не зевай!»,
От наставленья: «Сам виновен!»
Уйти в желанный сердцу рай,
Который свят и безгреховен.

Но срокам утоленья нет.
В темнице сроков тесных бейся,
Стремись на ясный Божий свет,
И на бессрочное надейся.

* * *

Я отдал книги в переплет, —
Искусный мастер переплетчик
Здесь близко за углом живет, —
Но экономен был мой счетчик.

Я много денег издержал,
Сестра осталась недовольна.
Потом я на полу лежал,
Мне становилось очень больно.

Усердно секли сторожа.
Напрасно ерзал на полу я.
Иной удар больной ножа
Впивался, тело полосая.

Хлестали розги в переплет.
Ах! очень разны переплеты!
Не мал бывает розгам счет,
Когда не малы деньгам счеты.

2 октября 1902.

* * *

Я помню эти антресоли
В дому, где в Вытегре я жил,
Где, корчась на полу от боли,
Под розгами не раз вопил,
И, воздух ревом оглашая, —
Ах, эта горяча ланша! —
Нагими пятками сверкая,
Такие дела антраша!

Порою свяжут. Распростерто
Нагое тело. Круто мне,
И бьется сонная аорта,
И весь горю я, как в огне.
И как мне часто доставался
Домашних исправлений ад!
Для этого употреблялся
Общедоступный аппарат,
Пук розог. Быстро покрывался
Рубцами обнаженный зад.
Спасть от этих жутких лунок
Не удавалось мне никак.
Что не считалось за проступок!
И мать стегала за пустяк:
Иль слово молвил слишком смело,
Иль слишком долго прогулял,
Иль вымыл пол не слишком бело,
Или копейку потерял,
Или замешкал с самоваром,
Иль сахар позабыла подать,
Иль подал самовар с угаром,
Иль шарик хлебный начал мять,
Или, мостков не вверясь дырам,
Осенним мокрым вечерком
По ученическим квартирам
Не прогулялся босиком,
Иль, на уроки отправаясь,
Обуться рано поспешил,
Или, с уроков возвращаясь,
Штаны по лужам замочил,
Иль что-нибудь неосторожно
Разбил, запачкал, уронил, ---
Прощать, казалось, невозможно,
За все я больно сечен был.
Недолог был поток нотаций,
И суд был строг и очень скор;
Приговорив, без апелляций,
Без проволок, без кассаций
Исполнит мама приговор:
Сперва ручные аргументы
Придется воспринять ушам,
И звучные аплодисменты
По заднице и по щекам;
Потом березовые плески;
Длиннее прутья, чем аршин;
Все гуще, ярче арабески,
Краснеет зад, как апельсин.
И уж достигла апогея
Меня терзающая боль,
Но мама порет, не жалея,
Мою пылающую голь.
Бранит и шутит: — Любишь кашу?
Ну что же, добрый аппетит.
Вот кровью кашину подкрасу,
Что, очень вкусно? Не претит?
Ты, видно, к этой каше жаден.
Ори, болван, ори, сто крат.
Ишь, негодяй, как ты наряден!
Смотри, какой аристократ!

* * *

Я проснулся ночью. «Вспомни!» --
Словно кто-то прошептал.
Вот глядит луна в окно мне,
На пол свет ее упал.

Сердце бьется, -- вспомнил сразу,
Что, стыдом меня казня,
По Сосулькину приказу
Завтра высекут меня.

Что сказал я, было дерзким,
Я не знаю. Был я прям,
Очень возмущаясь мерзким,
Плаутовским его делам.

Слушать истину не лестно...
Вечером позвал он мать.
Решено меня телесно
Завтра в школе наказать.

Что, луна, в окно ты светишь?
На меня зачем глядишь?
Что мне скажешь? чем приветишь?
Чем забавить поспешишь?

Не томи ты желтым светом,
Издеваясь и дразня!
Сам ведь помню я об этом:
Завтра высекут меня.

26 сентября 1887.

* * *

Я — учитель, ну так что же!
Малый дома мне почет,
И меня по голой коже
Мать частехонько сечет.

От пощечин рдеют щеки,
Дома я босой сажу,
Даже в школу на уроки
Босиком всегда хожу.

Там строптивости и лени
Бальзаминов не простит,
И на голые колени
Стать нередко мне велит.

Так порою час за часом
С шалунами я стою,
И хоть стыдно перед классом,
Но уроки им даю.

По щекам прильнет, ругает
Бальзаминов; иногда
Он и розгами накажет
Так жестоко, что беда.

Он прикажет, и мальчишки
Подбегут ко мне, дерут
И рубашку, и штанишки,
Бросят на пол и секут.

Я реву, молю пощады,
Слышу звонкий смех детей,
Точно все мальчишки рады
Свисту резкому ветвей.

Даже те, кто сами были
Ныне драны иль вчера,
Точно разом позабыли,
Что ведь порка -- не игра.

А инспектор не прощает,
Он всегда неумолим,
И удары он считает
До назначенного им.

* * *

Я шел дорожкой средь могил,
Осенний вечер смутен был,
Луна сквозь облака светила,
И все уж с кладбища ушли.
Мне было страшно и уныло.
Кресты как будто стерегли.

Казалось мне в неверном свете:
Кресты качаются все эти,
И скоро встанут те, кто там
Должны в земной утробе стынуть,
Кому лишь только по ночам
Дозволено могилу кинуть.

И под одеждой, мнилось мне,
Холодным пальцем по спине
Водил погнавшийся за мною,
И вызывал холодный пот,
И наполнял меня тоскою
Вплоть до кладбищенских ворот.

Я за оградой очутился,
Холодный ужас с плеч свалился,
И жизнь обычная мила,
И все снести достанет силы,
Чем жизнь трудна и тяжела,
И даже розги стали милы.

¹ Вероятно, речь идет о сослуживце Сологуба в Крестецком училище, старшем по службе. В «Канве к биографии», составленной писателем, есть запись: «Пришла бумага от директора — разрешено мне на уроках быть босым. Бальз«аминов» рас-поряжаются: „Завтра без сапог“ <...> Розги в кабинете Бальз«аминова». На его коленах. <...> Бальз«аминов. Бил по щекам. Сек розгами. Ставил на голые колени» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 89, л. 98 об.—99).

² Вариант стихотворения вошел в сб.: Сологуб Федор. Чародейная чаша. Пг., 1922. С. 13 (совпадают только две первые строфы).

³ Вероятно, прозвище одного из сослуживцев Сологуба по Великолуцкому училищу. В «Канве к биографии» во фрагменте, относящемся к службе в Великиз Луках, есть запись: «Учеников секли часто во всех классах. Сосулькина индюшка. Сосулька сек медлительно и с издевками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет — лежи и жди».